

Князь Сян. В этой жизни я совершил три ошибки.

Первая — привел императора в публичный дом.

Вторая — позволил императору познакомиться с уличными сорванцами.

Третья — как говорят буддисты, о таком не рассказывают...

В глубокую летнюю ночь я, наслаждаясь чарующим лунным светом, вышел в одной лишь легкой рубашке в павильон внутреннего двора охладиться. Гуляя по поместью, я любовался красотой павильонов и совсем не чувствовал, что роняю достоинство императорской родни. А вы знаете, как злословят обо мне при дворе?

Это я распутен, это я сбил императора с пути истинного, это я зарюсь на императорский трон. Мое «громкое» имя известно всем придворным, и честные чиновники так и жаждут растерзать меня, сжить со света.

Я переоделся в простую синюю одежду, привел себя в порядок и следом за Фэн Ином вышел из покоев. Во внутреннем дворе было беспокойно: слуги сбились в шумные кучки, то и дело слышались всхлипы. Фэн Ин явно заметил это, остановился и вопросительно приподнял брови, в его глазах-фениксах зажглось любопытство.

Поняв его без слов, я неспешно протиснулся вперед. Домашняя челядь, завидев меня, тут же расступалась. Я увидел, как матушка с суровым лицом восседает на почетном месте, а рядом стоит служанка с орудием наказания в руках. На земле, в разорванных одеждах и рыдая, стояла на коленях моя ванфэй, а рядом с ней, связанный по рукам и ногам, понуро опустил голову какой-то слуга.

Я стоял и не находил слов. В такой ситуации... не нужно и гадать, что произошло.

— Цзы Цин, ты пришел как раз вовремя. Эта женщина, будучи членом Поместья князя Си, осмелилась совершить подобный позорный поступок. Что скажешь, как ее наказать? — бросив на меня взгляд, спросила матушка.

— ...Это... пусть матушка сама решает, как поступить, — я невольно приложил руку ко лбу. Я давно знал, что сердце ванфэй принадлежит другому, но кто бы мог подумать, что она зайдет так далеко? Я не считаю, что чем-то обделил ее: давал всё, чего она ни просила, куда она — туда и я. А теперь все зашло так далеко, что даже если я попрошу о милосердии, разве матушка, которая по какой-то причине ненавидит меня до глубины души, исполнит мою просьбу? Тем более, в столь прославленном Поместье князя Си, среди особ столь высокого ранга, как можно допустить подобное пятно на репутации?

— Ван, умоляю, пощадите ради ребенка во чреве моем, попросите матушку помиловать меня!
— ее тонкие пальцы вцепились в подол моего халата, а другой рукой она погладила слегка округлившийся живот, заливаясь горячими слезами.

Я застыл на месте. Ванфэй вошла в дом не по своей воле, и я никогда не принуждал ее к близости. Мы с ней ни разу не были супругами... Откуда же тогда ребенок?

— Хм, бесстыдница! Ты не делила ложе с Цзы Цином, откуда же взяться дитя?! — холодно отрезала матушка, восседавшая на своем месте.

Ванфэй разжала пальцы, лишившись дара речи, и задрожала, словно лист на ветру. Я же оставался спокойным: давно знал, что матушка держит возле меня соглядатаев, так что разве могло что-то ускользнуть от ее глаз?

Заметив понимание в глазах Фэн Ина, который вышел вперед, я вместе со всеми обитателями поместья опустился на колени. Только тогда я осознал, что остатки моего достоинства сегодня были стерты в порошок.

— Не знала, что пожаловал император, не успели должным образом подготовиться к встрече, просим Его Величество о милости, — почтительно произнесла матушка.

— Поднимитесь, — Фэн Ин, неизвестно когда успевший вооружиться потрепанным веером, слегка улыбнулся. — Незнание — не грех.

— Семейный позор, стыдно было показывать его Его Величеству, — сказала матушка.

— Раз это семейное дело, я не стану докучать, — он сложил веер, скосил на меня взгляд и добавил: — У нас с князем Сян есть неотложные дела, так что мы откланяемся.

Сказав это, он, наплевав на этикет, потянул меня, остолбеневшего, за собой. Этот поступок помог мне избежать неловкости и спасти остатки лица.

— Благодарю, Ваше Величество.

— Дядюшка, не стоит благодарностей. Выручить вас из беды — долг племянника.

Новая танцовщица в Башне Чжаому была и вправду хороша: движения ее были легки, словно танец журавля, а взмахи нежных рук оставляли шлейф, похожий на ожившую картину. Среди лучших красавиц башни она была вне конкуренции, и ее улыбка, способная погубить целые города, вовсе не была преувеличением.

Фэн Ин, обычно не упускавший случая окружить себя женщинами, на этот раз любезно уступил ее мне, но у меня совсем не было настроения. Разговор не клеился, и этот пресный день тянулся бесконечно. На прощание Фэн Ин намекнул, чтобы я через три дня посетил Сянсе на озере. В его улыбке таился скрытый смысл.

Вернувшись в поместье, я узнал от слуг, что ванфэй и тот слуга были забиты палками до смерти. В груди разлилась горечь, это чувство бессилия давило так, что нечем было дышать. С этого дня мое изголовье снова пустовало.

Время пролетело быстро, и через три дня я сидел в Сянсе посреди озера. Вид был бесподобным. Я безразлично наблюдал за танцами красавиц, созерцал холодный пейзаж за окном и, потягивая вино, вдруг замер. На меня смотрела легкая, едва заметная улыбка.

Такое знакомое лицо, хотя я никогда его не видел. Я потер лоб. Что же здесь происходит?

— Дядюшка, мы все наслышаны о ваших бедах. Но не печальтесь, одна женщина — это сущий пустяк, разве мало цветов в Поднебесной? Разве не так, дядюшка? — Пятый принц Фэн И, ныне князь И, напустил на себя скорбный вид. Взглянув на остальных ванов, я увидел, что у всех были точно такие же лица. Лишь Фэн Ин, медленно потягивая прозрачное вино, хранил молчание.

Я усмехнулся и залпом осушил чарку. — Конечно, Сяо И, не стоит тревожиться обо мне.

— Если Цзы Цину приглянется какая девица, я могу издать указ, — Фэн Ин, сидевший во главе стола, не скрывал насмешливой улыбки.

...Ох, если все пойдет так, проблем не оберешься.

— Племянник... — я сжал зубы и сделал страдальческое лицо. — Не стану скрывать, на самом деле я... люблю мужчин!

Все замерли, на их лицах застыло изумление.

Я решил ковать железо, пока горячо: — Так что, если какая-нибудь девица выйдет за меня, разве не погублю я ее лучшие годы? К тому же... в делах плотских, если нет влечения, как можно получить радость? Скажите, я ведь прав?

Сказанное мной прозвучало, пожалуй, чересчур серьезно. Хотя я и вправду не испытывал интереса к женщинам, но не до такой же степени, чтобы предпочитать только мужчин. Однако, если это поможет избежать навязчивых приглашений Фэн Ина посещать публичные дома, оно того стоило.

Лицо Фэн Ина сменяло цвета, словно перевернутая баночка со специями — красное, белое, черное... Остальные ваны выглядели так, будто проглотили дюжину мух. Певицы и танцовщицы, напротив, сохраняли невозмутимость: лишь на мгновение замерли, а потом продолжили петь и танцевать. Даже тот человек, на чьих губах играла легкая улыбка, перестал улыбаться.

Первым нарушил молчание Фэн И: — Дядюшка... вы... вы ведь шутите, правда?

Я опустил взгляд и с самым серьезным видом произвел: — Похоже ли, что я шучу? — а затем вздохнул: — Такова моя природа, что я могу с этим поделать?

Спустя долгое время Фэн И сглотнул слюну и с сочувствием похлопал меня по плечу: — Дядюшка, мы же сами таскали вас по женщинам, зная, что они вам не по вкусу! Виноваты, не серчайте!

Фэн Ин, сидевший поодаль, с громким стуком поставил чарку на стол и неловко кашлянул.

— Его Величество простудились? Это негоже, берегите драгоценное здоровье. Лучше возвращайтесь во дворец отдохнуть, — не знаю, не подумав ли, или просто дойдя до точки, ляпнул я.

В этот момент к Фэн Ину подбежал слуга, что-то прошептал ему на ухо и тут же удалился. Фэн Ин смущенно посмотрел на меня и произнес:

— Дядюшка прав. Братя, развлекайтесь, а я вернусь во дворец.

Фэн Ин поднялся, попрощался с ванами и поспешно удалился. Тот человек с улыбкой на губах тоже встал, кивнул в знак прощания и последовал за Фэн Ином. Я отстраненно выпил еще несколько чарок и тоже покинул Сянсе.

На рыночной площади было оживленно и шумно, крики торговцев не смолкали, порой слышался девичий смех. У меня запульсировало в висках, по коже пробежал холодок. Я ускорил шаг, торопясь вернуться в поместье. Войдя в беседку, я почувствовал, что неприятное ощущение исчезло. Все-таки в тишине лучше: слишком шумные места вызывали у меня беспричинный трепет.

Я успел сделать лишь несколько глотков чая, как в беседку, спотыкаясь, вбежал Синжэнь. Он был настолько запыхавшимся, что не мог выговорить ни слова. Я сжалился и налил ему чаю. Выпив чашку залпом, он наконец произнес:

— Хозяин, случилась беда! Старый ван совершил преступление, за которое казнят до девятого колена! Говорят, он покончил с собой!

Казнь до девятого колена...

Я отставил чашку и приподнял бровь: — И что потом?

— Потом... потом император прислал людей для конфискации имущества и ареста! Хозяин, что

же нам делать? — он хлопал своими большими глазами, в которых дрожали слезы. Еще миг — и они хлынут рекой.

— Пусть делают что хотят, — сказал я.

Синжэнь не выдержал, и слезы градом потекли по его щекам. Тем временем шум за пределами внутреннего двора начал нарастать, нарушая тишину и распугивая бабочек.

— Если боишься, уходи, пока не пришли люди из императорского двора, — я помолчал и, вытащив из широкого рукава пачку банкнот, вложил ему в руки. — Денег не так много, но если расходовать бережно, на жизнь хватит. Больше не иди в слуги, не унижайся. Живи достойно, понял?

Мои слова смутили меня самого. Я слегка кашлянул и, глядя на покрасневшее лицо Синжэня, добавил: — Синжэнь, мужчины не должны плакать по пустякам, — я смахнул слезы с его лица. — Не показывай своих слез посторонним, это признак слабости, понимаешь?

Синжэнь сначала опешил, а потом разрыдался в голос, совсем как ребенок. Я растерялся — утешать я совершенно не умел.

— Хозяин, Синжэнь все понял. Хозяин так добр ко мне, я... я никуда не уйду! Не оставлю вас!
— Синжэнь шмыгал носом, вытирая лицо моим рукавом. От этого мне хотелось то ли смеяться, то ли сердиться, оставалось лишь вздохнуть.

Ах, мой рукав теперь насквозь промок.

— Такой большой, а все как ребенок, упрямый.

Синжэнь озорно улыбнулся и высунул язык. И правда, ребенок.

Вскоре прибыли стражники. Возглавлял их не Фэн Ин, а чиновник из Ведомства наказаний. Он высокомерно стоял у ворот, пока его люди бесчинствовали, опечатывая поместье, круша все на своем пути. Всюду царил упадок. Они нашли массу редчайших сокровищ, которые якобы были доказательством заговора и предательства. Оставшихся слуг связали. Я видел матушку — ее лицо было мертвенно-бледным, морщины в углах глаз стали глубже, а прежняя надменность исчезла, уступив место мутному отчаянию. Ее глаза покраснели: должно быть, она узнала о смерти отца.

Не знаю почему, но мне было вовсе не грустно, скорее хотелось смеяться. Громко, во весь голос. Может, я болен? И притом серьезно? Голова на плахе, а мне смешно.

В Небесной Темнице, куда годами не проникал солнечный свет, было сыро и холодно. Даже крысы и тараканы не жаловали это место. На куче гнилой соломы и обрывке циновки Синжэнь

свернулся калачиком, пытаюсь согреться, — дрожал от холода. Этот человек, верный мне, как младший брат, готовый разделить участь до самого конца...

Я улыбнулся и прижал его к себе. Синжэнь заерзал в моих объятиях, обнял меня за талию и, что-то пробормотав во сне, звякнул кандалами.

Вскоре я почувствовал на груди что-то теплое. Посмотрев вниз, я приложил руку ко лбу. Слюни... Какой же сон ему приснился?

...Густой туман закрывал обзор. Я бежал, пытаюсь догнать неясный силуэт в глубине тумана. Он обернулся, его губы тронула легкая улыбка. Он что-то сказал, обернулся и пошел прочь. Все было так отстраненно.

Устал. Как же я устал. Плечи словно придавило грузом в тысячу цзиней. Я не мог сдвинуться с места, лишь беспомощно смотрел, как этот стройный силуэт растворяется в дымке.

Не уходи!! Сыжань...

...Я резко проснулся. Чьи-то руки коснулись моего лица. Синжэнь смотрел на меня своими большими глазами, полными тревоги: — Хозяин, вы плакали...

— Плакал? — я нахмурился и вытер лицо. — Просто сон. Хм, что же мне приснилось?

Синжэнь промолчал, в его глазах читалось невыразимое чувство.

— Хозяин, в следующей жизни я снова буду вашим слугой. Буду вам служить.

Я потрепал его мягкие волосы и усмехнулся: — Глупый. Если будет следующая жизнь, стань лучше моим младшим братом. Хотя с таким братом, как ты, мне придется туго.

Синжэнь покраснел и промолчал.

На рассвете пришли мои племянники-ваны попрощаться. Фэн И рыдал так, словно это его вели на казнь, а не меня. Когда пришло время, он вцепился в решетку, и его пришлось силой оттащить остальным. В камере снова воцарилась тишина.

Пришли все, кроме Фэн Ина, носившего титул сына Неба.

Мы с Синжэнем, решив не становиться голодными призраками, спокойно съели последнюю трапезу, принесенную тюремщиком. На площади, под палящим солнцем, у меня пульсировало в висках. Зеваки, собравшиеся поглазеть на зрелище, перешептывались, бросая в наш адрес

гадости.

Как же шумно!

Но я терпел. Стоит переждать этот миг, и придет вечное спокойствие — почему бы и нет?

Судя по солнцу, скоро полдень?

Стук копыт зазвучал на пустых улицах рынка. Прозвучал приговор, плашка с именем, воткнутая за шиворот, упала на землю. Кто-то вопил, кто-то проклинал, кто-то рыдал. Я закрыл глаза, ожидая мгновенной боли. Рука палача поднялась, но меч не опустился.

Я открыл глаза. Золотой дракон на ярко-желтом императорском халате под лучами палящего солнца слепил меня, но я не мог отвести взгляд.

Толпа опустилась на колени, выкрикивая приветствия императору. Я застыл. Фэн Ин приехал лично проводить меня?

— Я помню заслуги князя Сян перед государством, его победы в походах. Предательство князя Си было совершено без ведома князя Сян. Считаю, что его заслуги и ошибки уравнивают друг друга. Помиловать князя Сян! Освободить! — его голос звучал властно. Его узкие глаза смотрели на меня с легкой улыбкой.

— Слушаюсь! — стражники сняли с меня оковы. Толпа на площади загудела — люди начали кричать о великой несправедливости.

Я ошарашенно смотрел на него. Сначала недоумение, затем досада, и наконец — благодарность. Опомившись, я принялся кланяться в землю. Он слез с коня и слегка приподнял меня, его слабая улыбка заставила меня на мгновение потерять связь с реальностью.

Только поднявшись, я вспомнил о Синжэне и, плюхнувшись на колени снова, взмолился. Фэн Ин нахмурился: — Дядюшка, что вы делаете?

— У меня есть просьба. Синжэнь с детства при мне, душа его чиста, как он мог участвовать в предательстве отца? Прошу императора пощадить жизнь Синжэня!

— Дядюшка, вы ставите меня в неловкое положение.

— Прошу, пощадите его!

— Синжэнь, Синжэнь, что в нем такого? — пробормотал он так тихо, что слышал только я. Слова эти прозвучали как-то... странно. — Раз дядюшка так настаивает, я согласен.

Отдав распоряжения, Фэн Ин грациозно взмахнул рукавами и вскочил на коня, умчавшись прочь прежде, чем толпа успела выкрикнуть подобающее прощание. Я и поблагодарить не успел, почему же он так торопился? — проворчал я про себя.

Глядя на Синжэня, который, освободившись, бросился ко мне и вытирал слезы и сопли о мой халат, я всей душой был благодарен Фэн Ину. Я думал, он в своем духе откажет, но не ожидал, что он так быстро согласится.

Его слова об «удовлетворении» были весьма многозначительны.

Кстати, все в Поместье князя Си и вправду были несправедливо обвинены. Возьмем хотя бы князя Си: человек, для которого верность и мир в стране были превыше жизни — разве мог он предать страну? Хотя, если речь шла о некоторых чиновниках, я бы еще поверил.

В последний раз взглянув на постаревшую матушку и слуг, я, потянув за собой всхлипывающего Синжэня, неспешно удалился, не слушая отчаянные крики и приближающиеся звуки казни.

Тела? Императорский двор позаботится об этом. Все-таки это их люди, их дела.

С этого дня уши мои отдохнули. Разве спокойствие не было тем, к чему я стремился всю жизнь?

Не знаю, смогу ли я вернуться в Поместье князя Си. Так хочется взглянуть, уцелел ли тот абрикос на заднем дворе.

Крик «Меч вниз!» заставил палача замереть. Я в ужасе обернулся, сжимая кулаки в рукавах.

— Императорский указ! В деле князя Си обнаружилось новые обстоятельства, передать дело в Великий судебный приказ, казнь отложить!

Люди на эшафоте выдохнули, а их самих потащили в Ведомство.

— Какое счастье, хозяин, никому не придется умирать, — Синжэнь был взволнован, я же молчал, не придавая этому значения.

Бесцельно гуляя по улице, я был подхвачен шумной компанией князя И. Вывеску Поместья князя Си заменили на новую — «Поместье князя Сян», выведенную каллиграфией Фэн Ина. Сказали, что ее прислали сегодня — подарок в честь моего чудесного спасения. Сам он не

пришел, видимо, занят государственными делами. В поместье уже навели порядок, шума после обыска не осталось. Князь И со своей свитой полусилой затащили меня в главный зал — стол ломился от яств, устроенных в мою честь.

На душе стало теплее. За столом князь И все поил меня вином. Сначала я отнекивался, но его речи были так убедительны, что мне пришлось выпить. После нескольких чарок я притворился пьяным, и племянники неохотно ушли. Сегодняшний ужин прошел на удивление радостно.

Снова полнолуние. При свете луны я медленно побрел в задний двор. К счастью, сад не пострадал, и плоды на абрикосе были все так же нежны.

Я погладил землю под деревом, уголки моих губ дрогнули в улыбке, глаза светились одержимостью.

Сыжань...

Я надеялся на покой, но спустя несколько дней мои мечты рассеялись...

— Цзы Цин, говорят, в Башне Чжаому появилась красавица, улыбка которой губит города. Давай сходим вместе, посмотрим.

<http://bllate.org/book/21938/2279238>